

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-144-154

АТТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПОНЕНТОМ «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА, СИНТАГМАТИКА И ПРАГМАТИКА

Евгений Юрьевич Шарихин¹, Цзеи Шэнь^{2,3}

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,

³Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия

¹sharichan@yandex.ru, ²st120436@student.spbu.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-9459-4126>, ² <https://orcid.org/0009-0009-7755-6537>

Аннотация. Исследуются атрибутивные конструкции «прилагательное + устойчивое сочетание *железная дорога*» с различных точек зрения: их типологические, оценочные и образные признаки. Подобные определения (например, *апельсиновая, бутафорская, детская, занятая, мышиная, пионерская, ржавая, шикарная* и др.), сочетаясь со словосочетанием *железная дорога*, как правило, отражают его стилистически маркированные, нетипичные или контекстуально обусловленные свойства. В статье также рассматриваются синонимические варианты *босоногая чугушка, первая чугушка* и *городская железка*, анализ которых позволяет проследить парадигматические связи между лексемами, относящимися к одной реалии.

Ключевые слова: русский язык, лексикология, семантика, синтагматика, прилагательное

Для цитирования: Шарихин Е.Ю., Шэнь Цзеи. Атрибутивные конструкции с компонентом «железная дорога» в русском языке: семантика, синтагматика и прагматика // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 144–154.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-144-154

ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS WITH THE COMPONENT «ZHELEZNAYA DOROGA» IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SEMANTICS, SYNTAGMATICS AND PRAGMATICS

Evgeny Yu. Sharikhin¹, Shen Jieyi^{2,3}

^{1,2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

³Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia

¹sharichan@yandex.ru, ²st120436@student.spbu.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-9459-4126>, ² <https://orcid.org/0009-0009-7755-6537>

Abstract. Attributive combinations of «adjective + stable combination *zheleznaya doroga*» are examined from various perspectives, including their typological, evaluative and figurative features. Such adjectives (e.g., *apel'sinnaya, butaforskaya, detskaya, zanyatnaya, myshinaya, pionerskaya, rzhavaya, shikarnaya*

ya and etc.), when combined with the stable combination *zheleznaya doroga* typically reflect its stylistically marked, atypical or contextually determined properties. The article also examines the synonymous variants of *bosonogaya chugunka*, *pervaya chugunka* and *gorodskaya zhelezka*, the analysis of which allows to trace the paradigmatic connections between lexemes related to the same reality.

Keywords: Russian language, lexicology, semantics, syntagmatics, adjectives

For citation: Sharikhin E.Yu., Jieyi Shen. Attributive Constructions with the Component «Zheleznaya Doroga» in the Russian Language: Semantics, Syntagmatics and Pragmatics. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 144–154.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-144-154

Original article

В современной русистике отдельные разновидности атрибутивных словосочетаний получили описание в работах ряда отечественных лингвистов: так, конструкции с причастием изучались Г. Ю. Востоцовой [1] и О. Е. Морозовой [2], атрибутивные словосочетания с местоимениями исследовались Л. М. Меликовой [3], субстантивные атрибутивные отношения рассматривались А. З. Кубановой [4], а адъективными атрибутивными сочетаниями занимались Е. М. Вольф [5], А. В. Шульгин [6], Н. В. Юдина [7], М. В. Сандакова [8], Э. Т. Кумыкова [9], Л. А. Дубцова [10]; и др.

Между тем синтагматический аспект адъективных атрибутивных сочетаний с фокусом на их валентностные свойства и сочетаемость, включая дистрибуцию, контекстную реализацию и прагматическую нагрузку, исследован недостаточно полно. Данная лакуна сказывается на лексикографической практике, поскольку «как показывает опыт лингвистических исследований, значение прилагательного невозможно описать вне его синтагматики» [8, с. 202].

В русском языке до настоящего времени не осуществлялся подробный лексико-семантический и синтагматический анализ устойчивого сочетания *железная дорога* с атрибутами-прилагательными. Вместе с тем изучение адъективных атрибутивных сочетаний с тремя компонентами, относящимися к железнодорожному дискурсу, признаётся актуальным на современном этапе [11]. Исследование различных комбинаций прилагательных с компонентом *железная дорога* позволяет определить широкий спектр их значений в зависимости от контекста употребления в текстах различных жанров, а также выявить лексико-семантические механизмы функционирования устойчивого словосочетания *железная дорога* с атрибутами. Рассматриваемые словосочетания демонстрируют пределы сочетаемости и семантическую гибкость конструкции «при-

лагательное + *железная дорога*», выявляя тенденции к расширению её лексического и функционального потенциала. Кроме того, анализ подобных словосочетаний позволяет выявить границы семантической продуктивности прилагательных, характеризующих специальные типы и разнородные признаки железной дороги в составе устойчивых лексических конструкций.

Цель работы состоит в выявлении особенностей семантики, прагматики и синтагматики атрибутивных конструкций «прилагательное + устойчивое сочетание» *железная дорога*. В соответствии с целью выдвигаются следующие задачи: 1) на базе НКРЯ собрать атрибуты-прилагательные, обозначающие специальные типы и разнородные характеристики железной дороги и употребляющиеся в одной синтагме с устойчивым сочетанием *железная дорога*; 2) исследовать парадигматические отношения (выявить синонимы) сочетания *железная дорога*; 3) провести анализ материала на основе определённых параметров (соотношение атрибутов с разными значениями сочетания *железная дорога* и его синонимов; дистрибутивный анализ исследуемого устойчивого сочетания и валентностный анализ его синонимов (*чугунка*, *железка*); 4) проследить особенности семантики, прагматики и синтагматики атрибутивных конструкций с устойчивым сочетанием *железная дорога*.

Цель и задачи настоящего исследования определили выбор методов анализа: сравнительно-сопоставительный, описательный с применением приемов обобщения и классификации, метод компонентного анализа и метод контекстуального анализа.

* В.В. Виноградов указывал, что термин *устойчивое сочетание* относится к таким словосочетаниям, состав которых неизменен и которые используются в речи как единое целое. Эти сочетания характеризуются стабильностью структуры, регулярной воспроизводимостью и целостностью своего значения [12]. М.В. Панов называл такие устойчивые сочетания *фразеологическими сочетаниями* [13]. См. также [14].

Методологический подход к синтагматическому анализу атрибутивных конструкций сосредоточен на выявлении того, как каждый компонент в словосочетании взаимодействует с другими, и как это взаимодействие влияет на синтаксическую и семантическую структуру высказывания в контексте предложения.

В текстах разных стилей встречаются следующие номинации: *апельсинная железная дорога, бесконечная железная дорога, бутфорская железная дорога, детская железная дорога, занятная железная дорога, мышинная железная дорога, обыкновенная железная дорога, пионерская железная дорога, ржавая железная дорога, уважаемая железная дорога, шикарная железная дорога* и др., в которых прилагательные модифицируют значение устойчивого словосочетания, придавая ему стилистически маркированный или метафорический характер. В статье также рассматриваются синонимические варианты *босоногая чугушка, первая чугушка* и *городская железка*, анализ которых позволяет проследить парадигматические связи между лексемами, относящимися к одной реалии*. Большинство указанных выше атрибутов не укладываются в устойчивые тематические рамки, но тем не менее выполняют важную описательную функцию в составе атрибутивных групп. Эти прилагательные обладают разнообразной семантикой и представляют собой единичные или контекстуально мотивированные характеристики, не образующие самостоятельной подсистемы, но заслуживающие внимания с точки зрения лексико-семантической организации словосочетания.

Для данного исследования основным источником материала послужил Национальный корпус русского языка [16]. Жанровая структура выборки показала, что сочетание *железная дорога* наиболее часто встречается в публицистических и научно-технических текстах. Однако оно также активно используется в художественной литературе, где раскрывается в более эмоциональных и образных контекстах.

Учитывая ограниченность объёма настоящего исследования, для подробного анализа были отобраны наиболее репрезентативные примеры. Отбор фрагментов осуществлялся на основе совокупности критериев: хронологиче-

* Ф.Ф. Фортунатов отмечал, что в русском языке сочетание слов *железная дорога* «однородно по значению с слитным словом, так как по значению это сочетание слов не разлагается на слова *железная* и *дорога* в их сочетании без изменения значения» [15]. Такого рода сочетания он называл *слитными речениями*.

ского (включение текстов дореволюционного, советского и современного периодов) и жанрового (учёт текстов различных стилей, включая художественные, публицистические и научно-технические).

Лексико-семантический анализ атрибутивных сочетаний.

1) Сочетание *мышинная железная дорога* представляет собой пример экспрессивного и образного наименования, восходящего к культурному феномену миниатюрного аттракциона. Например:

И все, как новогодние елки подарками, увешаны своей фото-, видео-, киноаппаратурой. Правда, японцы – надо отдать им должное – самые дисциплинированные туристы в мире. Подъехал автобус, все рассыпались по достопримечательностям, сфотографировались и по команде, как пионеры, дружно всосались обратно в автобус. У старика Дурова был такой аттракцион – мышинная железная дорога [М.Н. Задорнов. Египет // «Октябрь», 2002; НКРЯ].

Конструкция *мышинная железная дорога* представляет собой метафорически трансформированное атрибутивное словосочетание, в котором прилагательное *мышинная*, производное от существительного *мышь*, используется в переосмысленном значении. В соответствии с толкованием, зафиксированным в Большом академическом словаре (БАС), прилагательное *мышинный* указывает на принадлежность к мышам [17, т. 10], а также может описывать свойства, ассоциируемые с этими животными – малый размер, скрытность, беспомощность и др. В типовой денотативной трактовке данное прилагательное применяется к объектам, связанным с референцией на грызуна, например: *мышинный след, мышинная нора*. Однако в приведённом контексте, обозначающем цирковой аттракцион, прилагательное не отсылает к биологическому классу животных как к субъекту описания, а указывает на функционально-игровое назначение объекта, предназначенного для дрессированных мышей. Тем самым *мышинная* выступает как относительное прилагательное, утратившее прямую предметную референцию и приобретшее номинативно-метафорическую функцию в рамках описания специально сконструированной миниатюрной железнодорожной модели.

Дополнительно, в силу включённости в более широкий дискурсивный контекст, описывающий поведение организованной группы туристов, выражение *мышинная железная дорога* при-

обретает вторичный план значений – становится ироническим обозначением упорядоченного и механистичного движения людей. Подобное расширение семантики обусловлено переносом значений с предмета номинации на наблюдаемое социальное поведение, что отражает способность прилагательного *мышинная* выполнять не только индивидуализирующую, но и оценочно-интерпретирующую функцию. При этом оценочность не выражает прямого положительного или отрицательного суждения, а проявляется через создание культурно-семантического образа.

Синтаксически сочетание имеет типичную для русского языка структуру препозитивной атрибутивной группы с внутренним согласованием компонентов, где прилагательное *мышинная* согласуется с существительным *дорога* в роде, числе и падеже. Конструкция выступает в тексте как самостоятельная номинативная единица, сохраняющая семантическую целостность при метафорическом переосмыслении. На уровне текста словосочетание актуализирует коммуникативную функцию, направленную на создание выразительного образа, способного одновременно обозначить конкретный объект и вызвать культурно-ассоциативные представления.

Анализ словосочетания *мышинная железная дорога* показывает, что, несмотря на его внешнюю близость к оценочным прилагательным из-за образности и иронического эффекта, прилагательное *мышинная* не выражает субъективной оценки в прямом смысле. Оно не указывает на положительное или отрицательное отношение, а описывает особый тип объекта – миниатюрную железную дорогу, созданную для дрессированных мышей. Следовательно, несмотря на наличие стилистической экспрессии, данное сочетание лингвистически целесообразнее отнести к группе прилагательных, обозначающих специальные виды железных дорог, а не к оценочной категории.

2) Следующее словосочетание – *апельсинная железная дорога* – также выделяется нестандартностью употреблённого атрибута и демонстрирует нестереотипный способ характеристики объекта, что позволяет рассматривать его как репрезентативную единицу. Например:

Пошлины получались золотомъ 4,627,000 руб., причемъ стоимость содержанія таможи 81,000 р. Балтійскій портъ. Гапсаль. Пакерортскій маякъ. Апельсинный портъ и апельсинная желѣзная дорога. Обрусьніе этихъ мѣстъ. Попытки устройства порта. Петровскія укрѣпленія. Проливы Монзунда

[К. К. Случевский. Балтийская сторона (1888); НКРЯ].

Контекстуальный анализ приведённого примера не позволяет с достаточной степенью точности установить значение словосочетания *апельсинная железная дорога*, поскольку лексическая единица обладает выраженным метонимическим значением и не соотносится напрямую с общеупотребительными терминами железнодорожной отрасли. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к дополнительным источникам, фиксирующим историко-культурные реалии и лексикографическую информацию, с целью выявления происхождения и интерпретации данного номинативного сочетания.

Такое наименование закрепилось за Балтийской железной дорогой, соединяющей Палдиски, Таллинн и Санкт-Петербург, и отражает ироничное народное представление о её предполагаемой функции – доставке апельсинов к императорскому столу [18]. Таким образом, прилагательное *апельсинная* обладает культурно-маркированным значением, демонстрируя пример регионально обусловленной номинации, связанной с особенностями использования железной дороги для перевозки определенного груза.

Атрибутивная конструкция *апельсинная железная дорога* представляет собой нестандартное лексическое сочетание, в котором прилагательное выполняет не прямую, а метонимически переосмысленную функцию. В словаре прилагательное *апельсинный* определяется как синоним слова *апельсиновый* и употребляется для обозначения предметов, имеющих отношение к апельсинам – как к фрукту (например, *апельсинное дерево*, *апельсиновая кожура*), так и к цвету (*апельсинного цвета чашка*) [17, т. 1]. Типологически это относительное прилагательное и в типичных контекстах не используется для обозначения объектов железнодорожной инфраструктуры. Однако в приведённом историческом фрагменте оно приобретает новое, вторичное номинативное значение, связанное не с денотатом, а с ассоциативной и культурно-бытовой коннотацией.

В данном контексте оно утрачивает свою исходную предметную референцию и приобретает экспрессивно-оценочную функцию. Семантика прилагательного формируется под влиянием историко-культурного контекста: обозначаемая железная дорога, соединявшая Палдиски, Таллинн и Санкт-Петербург, получила народ-

ное наименование, связанное с предполагаемой функцией доставки дефицитных продуктов, прежде всего апельсинов, в северные порты Российской империи.

С точки зрения синтагматической структуры, словосочетание сохраняет стандартный препозитивный порядок компонентов, однако при этом нарушает привычную лексико-семантическую модель описания технических объектов. Прилагательное не указывает на материал, принцип действия или назначение железной дороги, а вводит образную перспективу, основанную на культурных и социальных коннотациях. Такая переориентация определяющего компонента с технической на символическую сферу задаёт особый семантический вектор и выводит сочетание за пределы терминологической системы. Употребление прилагательного *апельсинный* в таком контексте отражает более широкие закономерности языкового репертуара средств массовой информации и народного нарратива, в которых прагматическая и культурно-ассоциативная маркированность играет ведущую роль. Устойчивость конструкции обусловлена не нормативной системностью, а исторической памятью и региональной спецификой восприятия железнодорожной инфраструктуры.

Таким образом, на основе контекстуального, семантического и прагматического анализа можно заключить, что *апельсинная железная дорога* представляет собой атрибутивную конструкцию, где прилагательное выполняет культурно-символическую функцию.

3) Следующий пример демонстрирует использование прилагательного, передающего в контексте субъективную оценку физического состояния объекта. В подобных сочетаниях фокус читателя смещается с технических характеристик железной дороги на её визуальное и эмоциональное восприятие в контексте. Например:

Пахнет сыростью, болотом. Кругом сосновый лес. Повалены телеграфные столбы, тянутся новые провода окопной связи... Ехать мне весело: и эта забавная дрезинка, и краснофлотец Смирнов, и уходящая в самые окопы ржавая железная дорога без персонала — очень заняты. Кое-где рельсы искривлены снарядами, и тут мы едем тихо-тихо. Догорает вечерняя заря... К вечеру мы бодро примчались к Неве [В.В. Вишневский. Дневники военных лет (1943–1945); НКРЯ].

Словосочетание *ржавая железная дорога* представляет собой выразительную конструкцию, в которой прилагательное *ржавый*

актуализирует как физическое, так и оценочное описание объекта. В соответствии с лексикографическим определением, приведённым в МАС, прилагательное *ржавый* обозначает предмет, покрытый ржавчиной, а также, в разговорной речи, содержащий окислы железа или имеющий характерный буровато-красный цвет [19, т. 3, с. 716]. Исходя из этого, прилагательное входит в разряд качественных, характеризующих внешний вид объекта, придающих ему определённую визуальную и стилистическую маркировку.

В данном контексте прилагательное не только описывает состояние металлических конструкций железной дороги, пострадавших от времени и условий эксплуатации, но и несёт в себе символическую нагрузку. Изображение *ржавой* дороги на фоне военных реалий подчёркивает атмосферу разрухи, фронтового быта и технической нестабильности. Оценочная семантика лексемы усиливает эффект реалистической достоверности: перед читателем возникает картина железной дороги как объекта, одновременно функционального и уязвимого, символизирующего предел прочности в условиях войны. Такое описание формирует образ не просто технического сооружения, а выразительного элемента пространства, насыщенного эмоциональной и исторической значимостью.

Синтаксически прилагательное *ржавый* занимает типичную для русской атрибутивной конструкции препозитивную позицию по отношению к определяемому компоненту *железная дорога*. Внутри высказывания конструкция выступает как экспонирующий элемент повествования, дополнительно фокусируя внимание на физическом и символическом аспекте объекта. В результате лексическая единица *ржавая* приобретает в данном контексте не только дескриптивное, но и прагматическое значение — она задаёт тон восприятия всей описываемой сцены, подчеркивая контраст между технической цивилизацией и её разрушением в условиях войны.

Анализ устойчивых атрибутивных сочетаний с прилагательными, обозначающими оценочные характеристики железной дороги, позволяет выделить их важную роль в формировании семантической точности и экспрессивной окраски высказывания. Оценочные прилагательные *бесконечная*, *бутафорская*, *занятная*, *уважаемая*, *шикарная* отражают субъективное восприятие объекта, выполняя функцию эмоционально-смысловой интерпретации, в то время как прилагательные *обыкновенная* и *ржавая* могут заключать в себе коннотативно-субъективную оценку.

Таким образом, данные прилагательные в составе устойчивого сочетания *железная дорога* способствуют расширению значений лексемы, закрепляют за ней новые прагматические и стилистические функции, а также отражают разнообразие речевых стратегий в разных типах дискурса.

Исследование устойчивого сочетания *железная дорога* не может быть полноценным без анализа его синонимических вариантов, представленных в современном русском языке (*чугунка* и *железка*). В контексте устойчивых сочетаний парадигматические связи играют важную роль в выявлении системных замен* и эквивалентов, способных функционировать в сходных синтаксико-семантических условиях.

4) Анализ атрибутивных групп с лексемой *чугунка* целесообразно начать с относительно нейтрального сочетания *первая чугунка*, в котором прилагательное с временной семантикой сочетается с разговорной синонимической лексемой. Например:

Партию новобранцев направили на Сызрань. Здесь растасовали. Посадили на поезд, и поехал отец в страну петровской прихоти. Первая поездка. Первая чугунка и первая разлука. Отец редко делился своими печалью даже с семьей. Он говорил: Другим твоего плохого не надо... Плохого у каждого про себя хватит [К.С. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 1. Хлыновск (1930); НКРЯ].

Атрибутивная группа *первая чугунка* представляет собой сочетание, в котором прилагательное *первая* указывает на хронологическую первичность обозначаемого объекта. В толковом словаре прилагательное *первый* определяется как связанное с порядковым началом, предшествующее другим по времени, месту или значению [19, т. 3, с. 44]. В данном контексте это значение актуализируется в рамках повествовательной

структуры, где фиксируется начальный эпизод взаимодействия субъекта с железнодорожным транспортом. Выбор синонимической лексики *чугунка* вместо нейтрального *железная дорога* задаёт разговорно-бытовую стилистическую плоскость и маркирует принадлежность высказывания к определённой культурно-языковой среде.

Семантически выражение *первая чугунка* соотносится не только с индивидуальным опытом, но и с более широкой историко-культурной перспективой: оно может вызывать ассоциации с этапами становления железнодорожного сообщения в России, в частности с появлением Царскосельской железной дороги как первой публичной линии.

На синтагматическом уровне конструкция *первая чугунка* реализует типичную для русского языка модель «прилагательное + существительное», основанную на полном согласовании компонентов в роде, числе и падеже. Прилагательное *первая* занимает препозицию и выполняет функцию определения, акцентируя момент начала или первичного опыта. Конструкция включается в синтаксическую серию с другими аналогичными сочетаниями (*первая поездка, первая разлука*), образуя параллелизм, усиливающий значимость каждого компонента высказывания. Внутри повествовательной структуры такая организация высказывания способствует созданию хронотопа, в котором каждая атрибутивная группа выполняет функцию семантической вехи.

Лексема *чугунка*, несмотря на свою сниженно-разговорную окраску, сохраняет в данном случае нейтральный характер, выполняя номинативную функцию без утраты предметной референции. Комбинация качественно-порядкового прилагательного с народной лексемой обеспечивает выразительность конструкции, способствуя её восприятию как маркера значимого этапа в развитии событий.

5) Следующий пример – *босоногая чугунка* – представляет собой сочетание с ярко выраженной образностью, в котором прилагательное используется в переносном значении. В данном контексте лексема *чугунка* сочетается с прилагательным *босоногая*, что формирует экспрессивный номинатив, апеллирующий к ассоциативному восприятию объекта как опасного, незащищённого или примитивного. Конструкция привлекает внимание не только своей стилистической нестандартностью, но и тем, как оценочный компонент влияет на интерпретацию значения

* В данной статье под синонимическими заменами устойчивого сочетания *железная дорога* понимаются лексемы, близкие по значению и способные в определённых контекстах выполнять его номинативную функцию. Согласно наблюдению Б. Н. Головина, синонимами считаются слова, обладающие максимально близким, но не тождественным значением [20]. В свою очередь, С.Н. Пханаева предлагает более развернутое определение, согласно которому синонимы представляют собой слова, выражающие одно и то же понятие и отличающиеся друг от друга стилистической принадлежностью, экспрессивной окраской и оттенками значения [21]. При этом важным условием признания слов синонимами является частичное совпадение их сочетаемости, обеспечивающее возможность взаимозаменяемости в реальном языковом употреблении.

синонимического обозначения железной дороги в художественном дискурсе. Например:

Поздно вечером я возвращался верхом с ярмарки к помещику, у которого гостил, попал в потемках не на ту дорогу и заблудился. Кружась около линии и видя, как густеет темная ночь, я вспомнил о «босоногой чугунке», подстерегающей пешего и конного, трусил и постучался в первый попавшийся барак. Тут меня радушно встретили Ананьев и студент [А.П. Чехов. Огни (1888); НКРЯ].

Атрибутивное словосочетание *босоногая чугунка* представляет собой образную языковую конструкцию, в которой прилагательное *босоногая* функционирует в переносном значении. В толковом словаре указывается, что прилагательное *босоногий* означает «с голыми ногами» и соотносится с существительным *босой* [19, т. 1]. Первоначально оно применимо к человеку, лишённому обуви, однако в рассматриваемом контексте данное качество переносится на неодушевлённый объект – железную дорогу, обозначенную разговорной лексемой «чугунка».

Семантически выражение *босоногая чугунка* не описывает техническое или физическое состояние инфраструктуры, а формирует метафорический образ, апеллирующий к ассоциациям незащищённости, бедности или опасности. В тексте А.П. Чехова конструкция сопровождается контекстуальной ремаркой – «подстерегающей пешего и конного», что усиливает тревожное восприятие объекта и акцентирует его роль как угрозы в ночной обстановке. Метафоризация железной дороги через прилагательное *босоногая* придаёт конструкции экспрессивную окраску и служит для создания выразительной, тревожной атмосферы.

Примечательно, что сочетание *босоногая чугунка* хотя и имеет отношение к железной дороге, однако называет не её, а рабочих, участвовавших в её строительстве. Для прояснения этого значения обратимся к повести А. П. Чехова «Моя жизнь». См.: «В нашей местности строилась железная дорога. Накануне праздников по городу толпами ходили оборванцы, которых звали “чугункой” и которых боялись» [22].

Синтагматически сочетание *босоногая чугунка* представляет собой атрибутивную группу с прямым порядком компонентов. Прилагательное *босоногая* занимает препозитивную позицию по отношению к существительному и согласуется с ним по роду, числу и падежу. Конструкция грамматически стандартна, но стилистически уникальна, поскольку включает метафорическое

определение, придающее высказыванию дополнительную семантическую глубину.

Контекст относится к художественному стилю конца XIX в. Сочетание не только номинирует объект железнодорожной инфраструктуры, но и выполняет функцию раскрытия эмоционального состояния персонажа. Прилагательное в данном случае трансформирует лексему *чугунка* из нейтрального обозначения в семантически нагруженное, символическое выражение, включённое в художественную структуру текста.

Анализ корпусных данных позволяет установить, что атрибутивные группы с лексемой *чугунка* представлены в текстах, охватывающих широкий хронологический диапазон – от середины XIX в. до начала XXI в. Наиболее ранние употребления относятся к 1850–1860 гг., что обусловлено появлением в это время слова *чугунка* [23]. Употребление синонима фиксируется преимущественно в художественной и мемуарной прозе, а также в публицистических текстах, что указывает на его устойчивое присутствие в разных функциональных стилях. Выбор лексемы *чугунка*, как правило, мотивирован стремлением к экспрессивности, а её сочетаемость с прилагательными свидетельствует о наличии как нейтральных, так и стилистически маркированных конструкций.

б) После рассмотрения примеров с лексемой *чугунка* в атрибутивных конструкциях, следующим объектом анализа становится синонимическая единица *железка*^{*}, также функционирующая в роли разговорного аналога устойчивого выражения *железная дорога*. Несмотря на сравнительно низкую частотность, данная лексема обладает выразительным потенциалом и используется в ряде контекстов, заслуживающих лингвистического рассмотрения.

Ввиду ограниченного числа примеров в Национальном корпусе русского языка для анализа была выбрана атрибутивная группа *городская железка*. Выбор обусловлен тем, что данное словосочетание иллюстрирует функционально-модельную специфику объекта, а также демонстрирует сочетаемость сниженной лексемы с определением, маркирующим сферу функционирования. Например:

Они свяжут самые отдалённые районы столицы края. Городская «железка» будет скоростной. Новые подходы в формировании транспортной инфраструктуры, практика

^{*} В Словаре В. И. Даля зафиксирована однокоренная лексема *железянка*, обозначающая железную дорогу [24].

комплексного строительства, создание новых, современных форм досуга и отдыха станут условиями для воплощения одного из наиболее амбициозных планов столицы края — создания Красноярской агломерации [Пётр Пимашков, Юлия Рахимкулова. Город, устремлённый в будущее // «Родина», 2008); НКРЯ].

Атрибутивное сочетание *городская железка* представляет собой конструкцию, в которой прилагательное *городская* указывает на территориально-административную принадлежность объекта к городской среде. В толковом словаре прилагательное *городской* определяется как ‘относящийся к городу, связанный с ним’ [17, т. 4]. В контексте оно выполняет функцию пространственной квалификации существительного, обозначая железнодорожную линию, функционирующую в пределах городской агломерации. Лексема *железка* в данной конструкции выступает разговорным синонимом термина *железная дорога* и придаёт всему выражению сниженно-разговорную окраску при сохранении предметной отнесённости.

Семантически сочетание *городская железка* фиксирует тип инфраструктурного объекта, чьё функционирование ограничено городской или пригородной территорией. Прилагательное *городская* маркирует объект как часть урбанистической системы и актуализирует его включённость в комплексную транспортную сеть. В рассматриваемом контексте подчёркивается участие железной дороги в развитии Красноярской агломерации, что придаёт словосочетанию не только топографическую, но и проектно-организационную значимость. Лексема *железка*, несмотря на свою разговорную природу, в данном случае не нарушает общей официально-информационной стилистики текста, а, напротив, способствует экспрессивной идентификации объекта в публицистическом дискурсе.

Синтагматически данное прилагательное *городская* встраивается в структуру как препозитивный элемент, придающий существительному *железка* конкретизирующую функцию. В пределах высказывания сочетание включено в синтаксическую конструкцию, выполняющую номинативную функцию и обозначающую ключевой элемент городской инфраструктуры будущего. Употребление в составе утвердительного прогнозирующего высказывания («*городская «железка» будет скоростной*») усиливает его прагматическую направленность, ориентированную на перспективное развитие транспортной системы.

Лексема *железка*, будучи редуцированной формой нейтрального существительного, в данном контексте сохраняет предметную отнесённость к понятию железной дороги и демонстрирует способность вступать в устойчивые словосочетания, выполняя номинативную роль при сохранении терминологического значения. В данном случае использование разговорного варианта указывает на степень его стилистической адаптации и интеграции в нейтральную сферу употребления. Это свидетельствует о расширении валентного потенциала лексемы и её функциональной гибкости.

Анализ атрибутивных групп с участием синонимических лексем *чугунка* и *железка* в сопоставлении с базовой конструкцией *железная дорога* позволяет выявить существенные различия в семантической структуре и прагматике их функционирования. В отличие от сочетания «прилагательное + *железная дорога*», демонстрирующего нейтральность, стилистическую универсальность и терминологическую точность, конструкции с *чугунка* и *железка* обладают более ограниченным сочетаемым потенциалом и экспрессивной или разговорной окраской.

Устойчивые словосочетания с лексемой *чугунка* чаще включают прилагательные с историко-культурной, географической или экспрессивной семантикой, формируя образные или стилистически маркированные конструкции. В свою очередь, сочетания с лексемой *железка* обнаруживают ещё более узкую сферу употребления: они преимущественно закреплены за публицистическим и художественным стилем и нередко несут оценочные, сниженные или иронические оттенки. Всё это указывает на ограниченную валентность данных синонимов и специфику их атрибутивной сочетаемости в сравнении с нормативной формой *железная дорога*.

Лексема *железка* представлена в Национальном корпусе русского языка в значительно меньшем объёме, чем *чугунка* — всего шесть атрибутивных сочетаний. Все тексты относятся к периоду с конца XX — начала XXI в., что указывает на более позднее и преимущественно разговорное или публицистическое употребление данной единицы. По стилю это главным образом художественная и мемуарная проза, а также журнально-публицистические тексты, что свидетельствует о сниженной формальности и определённой экспрессивности лексемы.

Таким образом, наблюдается тенденция функционирования слова *железка* преимущест-

венно в неофициальных, авторских и образных контекстах, что отличает её от более исторически маркированной и нейтральной лексики *чугунка*.

Проведённый анализ прилагательных, обозначающих специальные типы и разнородные характеристики железной дороги, демонстрирует многообразие способов номинации в текстах публицистического, художественного и разговорного стиля и расширяют общее понимание проблемы атрибутивных конструкций. Словосочетания этой группы нередко приобретают метафорический, образный или иронический оттенок, как, например, в выражениях *апельсиновая железная дорога* и *мышьяковая железная дорога*. Эти прилагательные обладают высокой коммуникативной и семантической вариативностью, отражая нестандартные формы репрезентации объекта в языке.

Оценочные прилагательные *бесконечная*, *бутафорская*, *занятная*, *уважаемая*, *шикарная железная дорога* отражают субъективную интерпретацию объекта, придавая высказыванию стилистическую выразительность и эмоционально-культурную нагрузку. Между тем прилагательные *обыкновенная* и *ржавая* содержат в себе коннотативно-субъективную оценку, которая проявляется в определённых контекстах. Все эти лексемы функционируют в художественной, публицистической и мемуарной речи, расширяя прагматический потенциал устойчивого сочетания.

Анализ синонимических наименований *чугунка* и *железка* подтвердил их стилистическую маркированность и ограниченную сочетаемость, но также выявил их роль в формировании экспрессивных и исторически окрашенных атрибутивных конструкций. Полученные результаты демонстрируют значимость атрибутивных конструкций с устойчивым сочетанием *железная дорога* как показателя жанровой, функциональной и семантической динамики лексических единиц в современном русском языке. Сопоставление базовой лексики *железная дорога* с её синонимами *чугунка* и *железка* показывает, что несмотря на ограниченную частотность и стилистическую маркированность, синонимические номинации сохраняют способность к образованию устойчивых атрибутивных конструкций. Эти лексемы реализуются преимущественно в контекстах со сниженной степенью формальности и при этом демонстрируют особые черты: разговорность, экспрессивность, локальную или историческую окраску, а также тенденцию

к индивидуализированному или образному описанию.

В результате проведённого синтагматического и лексико-семантического анализа атрибутивных конструкций с сочетанием *железная дорога* и его синонимическими заменами были выявлены устойчивые закономерности, отражающие как структурные, так и стилистические особенности их функционирования в современном русском языке. Так, выбор прилагательных в сочетаниях с *железная дорога* изменяется во времени в соответствии с историческими и социокультурными реалиями. Наряду с этим зафиксировано расширение прагматического потенциала устойчивых сочетаний за счёт включения оценочной и метафорической лексики.

Проведённое исследование вносит системный вклад в теорию синтаксической семантики и номинации, углубляя представления о многочисленных атрибутивных конструкциях. Комплексный анализ полученных данных позволяет прояснить механизм формирования трёхкомпонентных словосочетаний по продуктивной синтаксической модели «Прил. + прил. + сущ.» и раскрывает многоуровневую организацию синтагматических связей в атрибутивных конструкциях, демонстрируя особенности функционирования подобных моделей в русском языке.

Список источников

1. *Вострецова Г.Ю.* Нераспространённый причастный атрибут в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. 24 с.
2. *Морозова О.Е.* Словосочетание с причастием в системно-функциональном аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 16 с.
3. *Меликова Л.М.* Атрибутивные словосочетания с местоимением в роли главного члена (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 16 с.
4. *Кубанова А.З.* Субстантивное словосочетание как единица синтаксической номинации в роли газетного заголовка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 16 с.
5. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. 200 с.
6. *Шульгин А.В.* Прилагательные в атрибутивных сочетаниях в прозе А. С. Пушкина и в литературном языке наших дней (семантико-сопоставительный анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 15 с.
7. *Юдина Н.В.* Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «при-

- лагательное + существительное»): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 40 с.
8. Сандакова М.В. Прилагательное в атрибутивном словосочетании // Ярославский педагогический вестник. 2010. №4. Т.1. С. 202–207.
 9. Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., Кумыкова Д.М. К опыту исследования семантических особенностей адъективно-субстантивных словосочетаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3 ч. Ч. 2. С. 108–110.
 10. Дубцова Л.А. Атрибутивные конструкции с лексемой «время» в Томском диалектном корпусе // Сибирский филологический журнал. 2021. №4. С. 252–262.
 11. Терпак М.А. Актуальность функционирования терминологических атрибутивных конструкций в русскоязычных и англоязычных текстах железнодорожного дискурса // Наука и культура России. 2024. Т. 1. С. 190–192.
 12. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с. С. 120.
 13. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е. А. Земской и С. М. Кузьминой: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с. С. 67.
 14. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: I–II. М.: Языки славянской культуры, 2003. 570 с. С. 38.
 15. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 220 с. С. 160.
 16. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.09.2025).
 17. Большой академический словарь русского языка / Под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда: в 28 т. М.; СПб.: Наука, 2004–2024. Т. 1 Большой академический словарь русского языка. А-Бишь. СПб.: Наука, 2004. 661 с. С. 235; Т. 4 Большой академический словарь русского языка. Г-День. М.; СПб.: Наука, 2006. 677 с. С. 322; Т. 10 Большой академический словарь русского языка. Медяк-Мячик. М.; СПб.: Наука, 2008. 571 с. С. 548.
 18. Валишевский К. Дочь Петра Великого. М.: Феникс, 1998. 538 с. С. 214.
 19. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Изд-во «Русский язык», Полиграфресурсы, 1999. Т. I–IV. Т. 1. А–Й. 702 с. С. 109; Т. 2. К–О, 736 с.; Т.3. П–Р. 750 с.; Т. 4. С–Я. 797 с.
 20. Головин Б.Н. Введение в языкознание: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 231 с. С. 13.
 21. Пханаева С.Н. Синонимия и лексико-семантические варианты полисемии в обучении лексике русского языка // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №36. С. 227–231. С. 229.
 22. Чехов А.П. Моя жизнь: Рассказ провинциала // А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. 543 с. С. 206.
 23. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. 3-е изд. М.: Изд. «Русский язык», 1999. 560 с. С. 394.
 24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. I. М.: в тип. А. Семена, 1863. 627 с. С. 475.

References

1. Vostretsova G.Yu. Uncommon participial attribute in modern Russian: Summary of the Ph.D. Dissertation in Philology. Moscow, 2015. 46 p. (*In Russ.*).
2. Morozova O.E. Phrases with participles in the systemic-functional aspect: Summary of the Ph.D. Dissertation in Philology. Leningrad, 1990. 16 p. (*In Russ.*).
3. Melikova L.M. Attributive phrases with a pronoun as the main member (based on the modern Russian literary language): Summary of the Ph.D. Dissertation in Philology. Leningrad, 1983. 16 p. (*In Russ.*).
4. Kubanova A.Z. Substantive phrase as a unit of syntactic nomination in the role of a newspaper headline: Summary of the Ph.D. Dissertation in Philology. Taganrog, 2007. 16 p. (*In Russ.*).
5. Wolf E.M. Grammar and semantics of the adjective (based on the Ibero-Romance languages). Moscow: Nauka, 1978. 200 p. (*In Russ.*).
6. Shulgin A.V. Adjectives in attributive combinations in the prose of A. S. Pushkin and in the literary language of our days (semantic-comparative analysis): Summary of the Ph.D. Dissertation in Philology. Leningrad, 1990. 15 p. (*In Russ.*).
7. Yudina N.V. Lexical compatibility in the cognitive aspect (based on the construction “adjective + noun”): Summary of the D.Sc. Dissertation in Philology. Moscow, 2006. 40 p. (*In Russ.*).
8. Sandakova M.V. Adjective in an attributive phrase // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2010. N. 4. Vol. 1. P. 202–207. (*In Russ.*).
9. Kumykova (Guchapsheva) E. T., Kumykova D. M. On the experience of studying the semantic features of adjectival-substantive phrases // Philology. Theory & Practice. Tambov: Gramota, 2016. No. 4 (58): in 3 parts. Part 2. P. 108–110. (*In Russ.*).
10. Dubtsova L.A. Attributive constructions with the lexeme “time” in the Tomsk dialect corpus // Siberian Journal of Philology. 2021. N. 4. P. 252–262. (*In Russ.*).
11. Terpak M.A. Relevance of the functioning of terminological attributive constructions in Russian-language and English-language texts of railway discourse // Science and Culture of Russia. 2024. Vol. 1. P. 190–192. (*In Russ.*).
12. Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography: Selected Works. Moscow: Nauka, 1977. 312 p. P. 120. (*In Russ.*).

13. Panov M.V. Works on General Linguistics and the Russian Language. Ed. by E. A. Zemskaya and S. M. Kuzmina: in 2 vol. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. Vol. 1. 568 p. P. 67. (*In Russ.*).
14. Isachenko A.V. Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology: I–II. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 570 p. P. 38. (*In Russ.*).
15. Fortunatov F.F. Comparative Linguistics. Moscow: Yurait Publishing House, 2016. 220 p. P. 160. (*In Russ.*).
16. The Russian National Corpus. Available at: www.rus-corpora.ru (accessed September 5, 2025). (*In Russ.*).
17. The large academic dictionary of the Russian language: In 28 vols. / Ed. by K. S. Gorbachevich, A. S. Gerd. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2004–2024. Vol. 1, 4, 10. Vol. 1 The large academic dictionary of the Russian language. A-Bish. SPb.: Nauka, 2004. 661 p. P. 235; Vol. 4 The large academic dictionary of the Russian language. G-Den. M.; SPb.: Nauka, 2006. 677 p. P. 322; Vol. 10 The large academic dictionary of the Russian language. Medyak-Myachik. Moscow, SPb.: Nauka, 2008. 571 p. P. 548. (*In Russ.*).
18. Valishevsky K. The Daughter of Peter the Great. Moscow: Phoenix, 1998. 538 p. P. 214. (*In Russ.*).
19. Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. / Ed. by A.P. Evgenyeva. Moscow: Russkiy Yazyk Publishing House, Polygraphresources, 1999. Vol. I–IV. Vol. 1. A–Й. 702 p. P. 109; Vol. 2. K–O, 736 p.; Vol. 3. П–Р. 750 p.; Vol. 4. С–Я. 797 p. (*In Russ.*).
20. Golovin B.N. Introduction to Linguistics: A Textbook for Philological Specialized Universities. 4th ed., corrected and enlarged. Moscow: Vyssh. Shk., 1983. 231 p. P. 13. (*In Russ.*).
21. Pkhanaeva S.N. Synonymy and lexical-semantic variants of polysemy in teaching vocabulary of the Russian language // News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen. 2007. N. 36. P. 227–231. P. 229. (*In Russ.*).
22. Chekhov A.P. My life: The story of a provincial // A.P. Chekhov. Complete collection of works and letters: in 30 vol. Vol. 9. M.: Nauka, 1977. 543 p. P. 206. (*In Russ.*).
23. Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vol. Vol. 2. 3rd ed. M.: Publishing house. «Russian language», 1999. T. 2. 560 p. P. 394. (*In Russ.*).
24. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol. Vol. I M.: in typ. A. Semena, 1863. 627 p. P. 475. (*In Russ.*).

Шифр специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Информация об авторах

Е.Ю. Шарихин – ¹кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9;

Шэнь Цзеи – ²магистр филологии. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9,

³аспирант кафедры электрической тяги. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. 190031, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 9.

Information about the authors

E.Yu. Sharikhin – ¹Ph.D. in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Language for the Faculties of Humanities and Natural Sciences. St. Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034;

Shen Jieyi – ²Master of Philology. St. Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034,

³Postgraduate student at the Electric Power Traction Department. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University. 9 Moskovsky Ave, St. Petersburg, 190031.

Вклад авторов:

Шарихин Е.Ю. – научное руководство; концепция исследования и методика его проведения; участие в анализе контекстов, итоговые выводы.

Шэнь Цзеи – сбор материала и его классификация; участие в анализе контекстов, доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Sharikhin E.Yu. – scientific management; concept of the research and its methodology; participation in context analysis, final conclusions.

Shen Jieyi – material collection and its classification; participation in context analysis; revision of the text; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 23.11.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 23.11.2025.